

УДК-32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

О. Н. Каширских

В какой степени достижима демократическая компетентность граждан? Основной задачей статьи является концептуальное определение демократической компетенции на фоне противоречия между частным интересом и общим благом, возможности отождествления морального и рационального в процессе формирования собственной политической позиции. Основным методом является сравнительный анализ точек зрения делиберативной теории и либеральной модели демократии на проблему формирования политических предпочтений.

Ключевые слова: политические предпочтения, политическая делиберация, политическое участие, теория рационального выбора,

Формирование политических предпочтений традиционно относится к одной из важнейших демократических компетенций, без владения которой гражданами стабильность демократической политической системы автоматически ставится под вопрос. Каким способностями должен обладать гражданин, чтобы быть компетентным? Учитывая распространённое определение демократии как власти народа, можно утверждать, что граждане не меньше формальных властных институтов должны обладать компетентными качествами, достаточными для управления государством. Представление о «хорошем» и компетентном гражданине часто вписываются в следующую схему: заботящийся о состоянии общественной жизни, хорошо информированный о проблемах политических партий и их кандидатов; вовлечённый в дискуссии относительно общественной жизни; активный участник непосредственных проявлений политических процессов: выборов, политически релевантных общественных акций.

На пути становления компетентных граждан имеется ряд препятствий, суть которых можно свести к противоречию частных и общественных интересов. Проблема компетентности рассматривается в контексте изменяющейся сложности социума, роста его комплексности и усложнения природы взаимозависимости его составляющих. На фоне данных изменений постоянно увеличивается риск роста противоречий между восприятием индивидуумом своих собственных интересов и *общим интересом*. Действительно, есть все основания предположить, что 1) значительно проще постигнуть существо собственного интереса, чем общественного; 2) значительно сильнее желание

реализовать собственные интересы, чем общественные¹. Роберт Даль утверждает, что, исходя из данных предпосылок, проблема сводится к получению аутентичного знания. Знание общих интересов, однако, не предполагает неизбежности признания приоритета их реализации по отношению к собственным. Как соотносится демократическая компетентность, мораль (как стремление к *общему благу*) и рациональность индивидуума в процессе формирования собственных политических предпочтений?

В данной статье автор предлагает взглянуть на решение сформулированной выше дилеммы в контексте теории делиберативной демократии. Основным методом является сравнительный анализ точек зрения делиберативной теории, либеральной модели демократии и теории рационального выбора на проблему формирования политических предпочтений. Основная задача – концептуальное определение демократической компетенции на фоне противоречия между частным интересом и общим благом, возможности отождествления морального и рационального в процессе формирования собственной политической позиции.

Современные теории демократии и политические предпочтения

Делиберация в англо-американском употреблении этимологически основывается на латинском слове *deliberare* и означает взвешивать (в идейном смысле), размышлять или внимать совету. В английском языке слово делиберация понимается также как дискуссия или *consideration*, обсуждение. Понимание делиберации как обсуждения и совещания в процессе принятия решений означает новый взгляд на репрезентативно-парламентскую демократию, которая на институциональном уровне предполагает в своем роде лишь один орган, реализующий функцию политического обсуждения и консультации исполнительной власти – парламент и его комитеты. Кроме того, совещательные функции могут исполнять также коллективные и индивидуальные эксперты, государственные и частные институты и фонды. Данный процесс можно трактовать как постепенную рационализацию государства, сопровождаемую де-бюрократизацией и расширением участников принятия политических решений за рамки исключительно партийно-политических институтов.

Такая форма обсуждения и консультаций фокусирует не только репрезентативные институты, сколько настаивает на прямом и более эффективном влиянии на политику и процесс принятия политических решений со стороны гражданского общества. «Делиберативная демократия» уже одним своим именем позволяет сделать вывод, что общественной дискуссии или общественному консультированию уделяется решающее значение в рамках демократической политической системы, а легитимность демократических решений лежит в области совещания граждан, в области дискутирующей

¹ Dahl R. The Problem of Civic Competence // Journal of Democracy. 1992. № 3. P. 50.

общественности. Но делиберация – не есть дискуссия, введение этого термина означает притязание на концептуальную новизну в демократической теории. Сущностью теории делиберативной демократии можно считать легитимационную значимость публичного обсуждения гражданами политических проблем. Привлекательность теории политической делиберации заключается в фокусировании демократического идеала самоуправления посредством публичного разума граждан.²

Концептуальная новизна проблемы формирования предпочтений в контексте делиберативной теории демократии хорошо видна при сравнении ее с либеральной моделью демократии. Последняя, исходя из негативного понимания свободы,³ интерпретирует демократию как систему, в которой коллективные решения реализуются посредством максимально аутентичной агрегации предпочтений всех граждан. Центром модели агрегативной демократии является голосование между конфликтующими предпочтениями в рамках *input-output* системы. Демократия в данной интерпретации состоит в механистической агрегации индивидуальных предпочтений или выборных голосов (*inputs*) в коллективные предпочтения или коллективные решения (*outputs*).

Качество демократии зависит от качества используемой агрегационной процедуры. Центральным демократическим институтом являются выборы. Приоритет выборов в политическом процессе соответствует скепсису современных теорий демократии по отношению к широкому политическому участию и делиберации. Изучая демократию как определённую форму реализации власти, Макс Вебер интерпретировал последнюю в виде конкурирующих элит (“*competitive elitist democracy*”). Вебер требует усиления парламента, но только как источника компетентного руководящего персонала, а не как «делиберативного форума».⁴

Шумпетер продолжает развивать идеи Вебера о решающем значении конкуренции элит как демократического фундамента. При этом гражданин у Шумпетера не информирован, пассивен и манипулируем.⁵ Пытаясь избавиться политическую теорию от утопичности нормативных концепций, Шумпетер понимает демократию как метод принятия политических решений посредством конкурентной борьбы за места в политическом руководстве. Как и Вебер, Шумпетер призывает политиков искать поддержки голосов избирателей, ограничивая роль последних негативным контролем (посредством угрозы последующего отказа в выборе) избранных.

Вебер и Шумпетер привносят в демократическую теорию элемент конкурентности и рынка, которые последовательно развивает Энтони Даунс.⁶

² Bohman J. The Coming of Age of Deliberative Democracy // Journal of Political Philosophy. 1998. № 6. P. 401.

³ Согласно либеральным воззрениям статус гражданина определяется мерой его субъективных прав, которые определяются как негативные: они указывают на то, что делать нельзя и предполагают, что всё незапрещённое делать можно.

⁴ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Frankfurt am Main, 2008. P. 1018-1102.

⁵ Schumpeter J. *Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie*. Tübingen/Basel, 1950. S. 428.

⁶ Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper, 1957.

Политические партии Даунс представляет как «продавцов» в политической конкурентной борьбе, которые конкурируют за внимание избирателей. По мнению Даунса поведение избирателей соответствует рациональной модели *homo economicus*. Можно сказать, что Даунс отличается от Шумпетера признанием рационализирующего влияния граждан на власть, которая у Даунса респонсивна относительно предпочтений граждан (чтобы быть избранной). Но так же, как и в двух предыдущих концепциях, в данной концепции демократии нет места для активного участия граждан, кроме участия в процессе голосования на выборах.

В целом, современные теории демократии склонны выводить закономерности процесса формирования политических предпочтений, основываясь на двух предпосылках: 1) существовании в плюралистическом обществе конфликтности интересов и конкурентной борьбы за влияние; 2) привнесении экономической логики в политическую теорию, которая не только способствует определению сути политического процесса как конкуренции интересов, но и проводит аналогию между *homo politicus* и *homo economicus*. Процесс формирования политических предпочтений рассматривается как реализация индивидуальной воли, свободной от необходимости учитывать политическую позицию другого.

Либеральная модель демократии и слабая версия делиберативной политики

Либеральная модель демократии акцентирует свободу личности и общественный плюрализм. Свободная воля автономной личности выражается в формировании интересов и предпочтений предполитического характера: их формирование происходит за границами строго политического пространства. Свободным является тот индивидуум, который может свободно реализовывать свои интересы и выражать свою собственную волю, но при этом собственнo мотивы индивидуума остаются без критической рефлексии.

Совмещение личной свободы с общественным плюрализмом ведёт к соответствующему пониманию роли государства, которое должно гарантировать возможность реализации гражданами своих интересов в рамках действующего законодательства, гарантировать субъективное благополучие граждан (*subjective welfarism*).⁷ Интересы отдельных индивидуумов вступают в конфликт на фоне ограниченного объема ресурсов и общего плюрализма интересов.

Необходимо отметить отсутствие понятия *общего блага* в либерализме, фактор, который позволил бы ограничивать индивидуальную волю. Поэтому существом либеральной политики является именно регулирование конфликта

⁷ Sunstein C. Democracy and Shifting Preferences // Copp D., Hampton J., Roemer J. (eds.) The idea of democracy. - Cambridge University Press: Cambridge, 1993. P.198.

интересов, регулирование, в рамках которого функция демократии становится исключительно инструментальной. Демократическая политика гарантирует защиту индивидуальной свободы, понимаемой как защита против каждого необоснованного вмешательства в жизнь гражданина. Свободная воля ограничивается только законами, которые были приняты с согласия этих самых граждан и демократический процесс служит, таким образом, прежде всего мирному урегулированию конфликтов интересов. Другими словами его задача «программировать государство в интересах общества».⁸

Оптимальной формой принятия решений в рамках либеральной модели было бы единогласие. По причине практической невозможности последнего практикуется принцип большинства. Как следствие процесс политических выборов становится суперлативным политическим актом, который непосредственным образом репрезентирует выражение воли индивидуума. Выборы, таким образом, являются легитимационной базой политических решений. Политическое поведение индивидуальных акторов в процессе выборов в рамках репрезентативной демократии большинства (*majority democracy*) интерпретируется в контексте экономических принципов. Индивидуальные предпочтения акторов опрашиваются в процессе выборов и посредством их агрегации формируется коллективная воля.

Поведение граждан при этом может быть интерпретировано как разумное и «стратегическое». В соответствии со своими предпочтениями, сформированными за границами политического пространства, граждане выбирают такие политические «предложения» (в форме идей и политиков), которые им позволяют максимизировать индивидуальную полезность. Разум понимается как субъективная способность, которая используется для максимизации индивидуальных предпочтений, в то время как выборы трактуются как исключительно частный акт. Поведение граждан в данном контексте сравнимо с поведением игроков на рынке, когда выбор в пользу определённого политического предложения (партийной программы или политика) немногим отличается от выбора определённого типа стиральной машины.

Инструментальное свойство политики наиболее ярко представлено теорией рационального действия. Данная теория исходит из предпосылки, что политические акторы обладают чёткими, непротиворечивыми предпочтениями относительно заданных альтернатив, которые посредством определённой справедливой агрегационной процедуры ведут к формированию коллективной воли в процессе выборов. Теория рационального действия настаивает на экзогенном характере предпочтений граждан, которые акторы привносят в политический процесс. Необходимо отметить, что уже Шумпетер указывал на то обстоятельство, что предпочтения не есть суть неизменяемые величины, накладываемые извне на политический процесс. Именно интересы и политическая воля акторов являются, по мнению Шумпетера, наиболее уязвимым

⁸ Habermas J. Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie. Suhrkamp: Frankfurt/Main, 1996. S. 277.

местом в процессе принятия решений. Преференции, указывал Шумпетер, являются продуктом политического процесса, но не предшествуют ему. Процесс формирования преференций может быть манипулирован ввиду некомпетентности граждан.⁹ Этот тезис в значительной степени и позволил Шумпетеру сформулировать элитистский взгляд на политику. Следуя логике элитистской концепции демократии, не совсем, однако, понятно, почему элита, которая должна управлять, обладает большим когнитивным потенциалом, чем народ, или каким образом некомпетентные граждане способны выбирать компетентную политическую элиту.

С точки зрения права, не всякий род волеизъявления является ответственным. Это значит, что преференции могут рассматриваться на основе различных критериев, а волеизъявление как таковое может быть дефицитным или ошибочным. Какие же волеизъявления должны признаваться, а какие нет? В действительности не существует концептуального ответа на вопрос о том, кто именно, кроме самого гражданина, способен качественно различать данные преференции. Роберт Гудин формулирует те критерии, с помощью которых можно отличать преференции заслуживающие признания.¹⁰ Такowymi признаются преференции, если они а) состоялись в процессе исчерпывающего информирования; б) являются следствием убежденности индивидуума; в) сформулированы самим индивидуумом. При соблюдении этих критериев преференции становятся автономными и «разумными». И наоборот, преференции теряют автономное качество, если они не учитывают важной информации или дублируют другие мнения. Такие преференции можно назвать «неразумными» и, более того, именно из соображений безопасности индивидуума таким преференциям должно быть отказано в признании. Ссылкой именно на такой характер формирования преференций Шумпетер справедливо обосновывал свой элитистский взгляд на демократию.

Либеральная теория оценивает преференции не на основе их содержания, но исключительно на основе формальных критериев. Если индивидуальные преференции отвечают трем основным критериям, указанным выше – информированности, стабильности (неизменяемости) и убежденности – разумность преференций данная теория принимает просто на веру и рассматривает индивидуумов, действующих на основе таких преференций, как максимизирующих свою выгоду. Согласно либеральной модели политические решения рациональны тогда, когда они репрезентируют агрегированные единичные преференции. Решения тогда разумны и обоснованны, если они опираются на интересы, которые разделяет большинство граждан.

Данная позиция была подвергнута критике уже в рамках концепции “*bounded rationality*”¹¹, согласно которой моделированное представление о возможностях всеобъемлющей информированности и безошибочной кальку-

⁹ Schumpeter J. Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie. Tübingen/Basel, 1950. S. 429.

¹⁰ Goodin R. Democracy, Preferences and Paternalism // Policy Sciences. 1993. № 26. P. 237.

¹¹ Simon H. Bounded Rationality and Organizational Learning // Organization Science. 1991. № 2. P. 125-134.

ляции просто нереалистично уже потому, что люди не обязаны принимать решения на перспективу, следуя принципу сравнения данной проблемы со всеми остальными проблемами этого мира, но руководствуются исключительно данной конкретной ситуацией.

По мнению Элстера, артикулированные предпочтения не позволяют уверенно постулировать их истинность¹². Предпочтения данного рода не проливают свет на действительные мотивы граждан, особенно тогда, когда это касается их стратегических интересов. Поэтому нельзя рассматривать результат коллективного решения как *общее благо*, рефлексирующее взвешенные общественные интересы,¹³ т.к. сохраняется возможность предпочтения гражданином совершенно другого интереса, чем тот, за который он проголосовал из стратегических соображений ситуационного характера. Политическое решение, которое не основано на прямой зависимости от предпочтений граждан, не может быть признано рациональным. Кроме того, формирование предпочтений зависит от ситуации, которая может заставить граждан формировать предпочтения лишь на основе имеющегося ограниченного выбора опций (*adaptive preferences*). В данном случае речь даже не идёт об использовании механизма принятия решений в свою пользу посредством сознательного формирования не автономных предпочтений (стратегических), но о формировании последних согласно вероятности реализации данных предпочтений. В случае, например, если реализация действительной предпочтения связана с возможным риском или разочарованием, нередко реализуется менее приоритетная предпочтения. К тому же выбор предпочтений часто зависит от имеющихся альтернатив. Такие предпочтения, по мнению Элстера, можно называть иррациональными и не автономными.

Таким образом, условие либеральной теории агрегировать индивидуальные предпочтения в их неизменённой форме невыполнимо. В рамках политического процесса предпочтениям свойственно изменяться. Предпочтения акторов не являются неизменяемыми, полностью информированными и взвешенными.¹⁴ Актёры располагают определёнными ожиданиями и желаниями, вступая в политический процесс. В рамках последнего желания обогащаются содержательной информацией об альтернативах и возможных их последствиях. Кроме того, обладание каждым актором всеми релевантными тематически обусловленными предпочтениями представляется невероятным. Некоторые темы вообще не входят в круг интересов актора, которому теперь необходимо принять решение по их существу. Тезис об экзогенной природе происхождения предпочтений ставится под сомнение. Сам политический процесс изменяет предпочтения, которые в ином случае остались бы когнитивно

¹² Elster J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // Bohman J., Rehg W. (eds.) *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. - MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997. P. 10-11.

¹³ Elster J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // Bohman J., Rehg W. (eds.) *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. - MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997. P. 7.

¹⁴ Manin B. On Legitimacy and Political Deliberation // *Political Theory*. 1987. № 15. P. 349.

неполноценными. Теперь функцию определения предпочтений берёт на себя делебация. С этой точки зрения делебация рассматривается как важный и необходимый процесс, при котором рациональные, т.е. информированные и стабильные предпочтения на входе политической системы позволяют надеяться на разумное решение не его выходе.

Дефицит процедуры агрегирования предпочтений в контексте теории рационального выбора заключается, прежде всего, в том, что решения большинства имеют нестабильный и нечёткий характер. Нестабильны они потому, что уже малейшие изменения выборного процесса могут привести к другим результатам: результат голосования зависит от регламента голосования. Известным примером может служить проблема «циклического большинства».¹⁵ Процедурные дефициты политического процесса могут привести к выводу о бесполезности демократии. Ответ может быть даже утвердительным, если сводить демократию исключительно к процессу выборов. Делебация может, однако, уменьшить процедурные дефициты. Она может помочь сформировать стабильное большинство. Чем больше количество предпочтений и, чем они гетерогеннее, тем маловероятнее циклическое большинство. Делебация способствует отсеиванию предпочтений, основанных на неверной информации. Кроме того, делебация способна уменьшить предпочтительные различия. Последние возникают обычно тогда, когда акторы рассматривают проблему с разных точек зрения. Например: одни с точки зрения экономики, другие – с точки зрения экологии. Данные различия могут быть устранены в процессе делебации. Таким образом, делебация может зафиксировать равенство контекстуального понимания проблемы. После того как различия между полярными предпочтениями уменьшились достижение чёткого результата становится вероятнее.

На тезисе об эндогенной природе политических предпочтений основывается *слабая* версия делебративной демократии, не тождественная, однако, следствию, выводимому Шумпетером. Делебация понимается здесь как пространство, необходимое для формирования политических предпочтений. С этой точки зрения, делебация как общественное обсуждение способствует повышению качества принятия решений, т.к. она рационализирует предпочтения акторов. Термин «слабая версия» означает ослабление нормативных требований к процессу делебации.¹⁶ Рационализация понимается как когнитивное и процедуральное улучшение политического процесса, основанного на общественном обсуждении. В рамках *слабой* теории делебации утверждается, что дефициты процесса принятия решения, относящиеся к рациональности, осмысленности и легитимности, могут быть минимизирова-

¹⁵ Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М., 2005. С. 161-163.

¹⁶ Buchstein H. Die Zumutung der Demokratie. Von der normativen Theorie des Bürgers zur institutionell vermittelten Präferenzkompetenz // Beyme K., Offe C. Politische Theorie in der Ära der Transformation (= PVS Sonderheft 26/1995). - Westdeutscher Verlag: Opladen, 1996. S. 295-324.

ны. Инструментом данной минимизации может выступать изменение предпочтений акторов.

Каким образом возможна «преференциальная интервенция»? *Слабая* версия делиберативной демократии выходит за рамки негативного понимания свободы в рамках либеральной модели демократии. Определение свободы не может основываться только на отсутствии внешних ограничений, поскольку характер последних может иметь и внутреннюю природу. Когнитив-Когнитивно неполноценные предпочтения иррациональны, т.к. они противоречат интересам индивидуума. Поэтому свобода заключается, по мнению Манин, прежде всего, в способности принять разумное рациональное решение только после анализа существа проблемы и тщательного взвешивания всех оснований.¹⁷ Взвешивать основания или аргументы можно, конечно, и в индивидуальном порядке, но в рамках делиберативной модели речь идёт именно о коллективном и публичном процессе обсуждения / взвешивания. Некоторое совершенствование характера формирования предпочтений, на которое претендует *слабая* версия делиберативной демократии, можно определить как профилирование предпочтений, придание предпочтениям устойчивости и определённости (*preference laundering*). *Слабая* делиберация как минимум может уменьшить проблемность «ограниченной рациональности». Публичное обсуждение уже служит сбору информации.¹⁸ Делиберация способна сделать публичными частную информацию акторов, стратегические интересы которых не позволяли им предать эту информацию огласке.

Коллективный характер *слабой* делиберации, основанный не на нормативной строгости, а скорее на будничной прагматичности, означает, что интеллектуальный и креативный потенциал группы больше, чем отдельно взятого индивидуума, и именно делиберация должна использовать данный потенциал. Общественное обсуждение может не только способствовать получению новой информации, но и конструированию взаимосвязей. Таким образом, можно повысить степень информированности акторов. Необходимо, однако, отметить, что результат будет тем же, если акторы, собравшиеся для обсуждения, не ищут максимально компромиссного решения проблемы, но действуют стратегически – т.е. вводят друг друга в заблуждение. В то же время, первоначальные предпочтения граждан получают либо обоснованное подтверждение, либо претерпевают коррекцию. Задачей *слабой* версии делиберативной демократии остаётся, прежде всего, формирование индивидуальных предпочтений в логическом и эмпирическом контексте. При этом аргументы других акторов не являются важными для принимающего решения актора. Создание предпочтений остаётся индивидуальным актом, в границах которого эгоистический интерес ориентируется на внешние обстоятельства и происходит процесс селекции тех факторов, которые, с точки зрения индивида, в большей мере соответствуют реализации индивидуального интереса.

¹⁷ Manin B. On Legitimacy and Political Deliberation // Political Theory. 1987. № 15. P. 352.

¹⁸ Manin B. On Legitimacy and Political Deliberation // Political Theory. 1987. № 15. P. 349.

Таким образом, цель слабой версии делиберативной демократии может считаться достигнутой, если акторы сформулировали предпочтения, обоснованные логическим образом. Делиберация данного типа не сможет полностью устранить когнитивные дефициты формирования предпочтений, но частично улучшает их качество. Цель *слабой* версии – рационализация предпочтений перед голосованием сводится к аналогичному либеральной теории пониманию рационального. Указанные когнитивные и процедуральные улучшения нацелены исключительно на просвещённый утилитаризм. Рациональность решения по-прежнему понимается утилитаристски, т.е. тождественно максимизации пользы. Отличие только в том, что после делиберации акторы лучше оценивают их стратегии. *Слабая* версия делиберации признаёт плюралистический, конфликтный характер политического процесса и необходимость принятия решений под влиянием дефицита времени. Поэтому слабая версия делиберации больше дескриптивна, чем прескриптивна.

Предпочтения в контексте *сильной* версии делиберативной демократии и её критиков

Слабая версия делиберативной демократии ограничивает повестку публичного обсуждения политических проблем только «проблемами конституционных основ и вопросами базовой справедливости»,¹⁹ в то время как *сильная* версия делиберации настаивает на собственном определении гражданами политической повестки дня.²⁰ С точки зрения *слабой* версии делиберации публичная коммуникация является осмысленной не потому, что она способствует когнитивному совершенствованию индивидуальных предпочтений, сколько потому, что только благодаря публичным дискуссиям становятся прозрачными различные позиции акторов. Только если дискуссия состоялась, акторы могут узнать о том, в каких точках они согласны друг с другом. Поэтому публичная сфера выполняет функцию прозрачности общественных позиций. Если акторы исходят из невозможности консенсуса относительно ставших очевидными (прозрачными) предпочтительными различиями, все участники дискурса могут теперь концентрироваться на решении тех вопросов, по которым может быть достигнуто согласие. Данный процесс Акерман²¹ привязывает к некоему нормативному обязательству – *conversational restraint* – коммуникативному самоограничению: вопросы, в которых невозможен консенсус, должны быть исключены из дискуссии. Критерий дискурсивности в рамках слабой версии делиберации не играет почти никакой роли. Следствием отсутствия дискурсивности в либеральных представлениях о публичной сфере является отсутствие ожиданий эффективных результатов общественных дискуссий.

¹⁹ Rawls J. *Politischer Liberalismus*. Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1998. S. 314.

²⁰ Benhabib S. Ein deliberatives Modell demokratischer Legitimität // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 1995. № 43 (1). S. 19.

²¹ Ackerman B. Warum Dialog // Bert van den Brink, Willem van Reijnen (Hg.). *Bürgergesellschaft, Recht und Demokratie*. - Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1995. S. 389.

Достижение консенсуса в контексте слабой версии делиберации маловероятно, и поэтому не привязано к какой-то особой легитимности.

В *слабой* версии делиберативной демократии когнитивное усовершенствование распространяется лишь на эмпирическое и логическое качество предпочтений. Однако проблемы современного политического сообщества должны решаться не только прагматическим образом. В условиях демократического режима речь не идёт только лишь о «правильных» решениях, но и, понимая демократию как самоуправление граждан, речь должна идти и о «моральных» решениях. Политические решения должны основываться на согласии граждан уже потому, что они затрагивают их (граждан) интересы. *Сильная* версия делиберации делает акцент на фактор морали. В процессе делиберации общественность соотносит предпочтения с общественным благом. Роберт Гудин указывает на различные предпочтительные порядки: предпочтения, относящиеся к личному благополучию индивидуума и «социальные предпочтения», которые относятся ко всему политическому обществу.²² Артикулируются только их публично-ориентированные, этические предпочтения, тогда как лично-ориентированные, эгоистические предпочтения подавляются.²³ Предпочтения или притязания, которые основываются исключительно на личном интересе акторов, не могут рассчитывать на публичное признание, т.к. защита аргумента/притязаний на значимость в публичном пространстве предполагает готовность к консенсусу.²⁴ Чисто эгоистические предпочтения не найдут поддержки и поэтому чаще всего вообще не артикулируются либо будут отфильтрованы. «Морализующий эффект публичной дискуссии» заставляет акторов преодолевать собственный эгоизм. Участие в публичном политическом процессе заставляет акторов выходить за рамки собственных интересов.

Хотя *сильная* версия делиберативной демократии согласна с либеральной теорией относительно несостоятельности попытки обязать граждан предпочитать интересы сообщества своим собственным, тем не менее, делиберативная теория требует соотнесения личных интересов и предпочтений с общественным благом. В этом и заключается разница между поведением акторов на рынке и на форуме. *Сильная* версия делиберации понимает делиберацию как легитимационный принцип демократии *sui generis*: «Понятие делиберативной демократии лежит в самом идеале демократической ассоциации, обоснование условий существования которой происходит посредством публичной аргументации и обсуждения среди равноправных граждан».²⁵ Данное понимание делиберации дополняется утверждением Бенхабиб, что «в соответствии с

²² Goodin R. Laundering preferences // Elster J., Hylland A. (eds.) Foundations of Social Choice Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 88.

²³ Ibidem.

²⁴ Elster J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // Bohman J., Rehg W. (eds.) Deliberative democracy: essays on reason and politics. – MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997. P. 12.

²⁵ Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // Bohman J., Rehg W. (Eds.): Deliberative democracy: essays on reason and politics - MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997. P. 72.

делиберативной моделью, легитимация и рациональность могут быть достигнуты в процессе коллективного принятия решения политическим сообществом тогда и только тогда, если институты этого сообщества в процессе их взаимодействия структурированы таким образом, что то, что рассматривается как общий интерес является результатом процесса коллективной делиберации, проводимой рационально и справедливо среди свободных и равноправных индивидуумов».²⁶

Основным допущением делиберативной демократии является, тем не менее, факт общественного плюрализма, как относительно ценностей, так и относительно интересов. Особое значение при этом уделяется процедурам. Принцип идеальной делиберативной процедуры формулируется следующим образом: акторы делиберации обладают свободой, ограниченной только результатами и условиями делиберации; делиберация является аргументативной процедурой, т.е. протекает в форме обмена аргументами и контраргументами («разумна» по Хабермасу). Только «ненасильственное насилие лучшего аргумента» определяет результат: делиберация инклюзивна и публична; в делиберации принимают участие все, на кого распространяются результаты принимаемого решения; участники равноправны формально и по существу; властные и экономические ресурсы не должны влиять на позицию индивидуумов в процессе делиберации; каждый обладает равным правом делать предложения, выражать свою точку зрения и подвергать сомнению значимость аргументов других.²⁷

Кроме того, делиберация инклюзивна тематически и направлена на достижение консенсуса. Достижение консенсуса не является ультимативным требованием делиберативной демократии ни эмпирически, ни нормативно. Под консенсуальной значимостью понимается скорее нормативная предпосылка относительно обязанности участников делиберации убеждать партнёров при помощи аргументов как средство для достижения согласия. Эта идеальная процедура делиберации описывает условия, которые в делиберативной демократии ведут к ориентации на *общее благо* и способствуют уважению индивидуальной автономии. Если предпочтения и аргументы не убеждают, тогда они должны быть изменены, чтобы быть признанными другими. Важной предпосылкой является также не столько принципиальная ориентация граждан на *общее благо*, сколько убеждённость последних в делиберативном инструментарии решения политических вопросов, обстоятельство, которое способствует достижению *общего блага* опосредованно. Делиберация поощряет индивидуальную автономию посредством когнитивного

²⁶ Benhabib S. Deliberative Rationality and Models of Democratic Legitimacy // Constellations. 1994. № 1. P. 30-31.

²⁷ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats, 4. erweiterte Auflage, Suhrkamp: Frankfurt/ Main, 1992. S. 370.

совершенствования автономии предпочтений в процессе минимизирования зависимости последних от реальности.²⁸

Сильная версия делиберативной демократии понимает делиберацию не просто как дискуссию, а интерпретирует принцип делиберации как принцип публичного обоснования. Когнитивные ожидания делиберативной теории выше, чем либеральные и ниже чем республиканские. Делиберативная теория утверждает возможность достижения рационального совмещения прагматической, этической и моральной мотивации. Кроме моральных притязаний делиберативная демократия выдвигает и эпистемологические: принимаемое решение легитимно не только по причине свободного и равного участия всех тех, кого данное решение касается, сколько выдвигает притязание на рациональность и на достижение хорошего, справедливого и корректного результата коллективных решений. Делиберация не отказывается полностью от инструментальной роли демократии: функции этаблированных политических акторов на *input* и *output* упразднению. Однако материал, который в форме делиберативной «отмытых» предпочтений поступает на *input*, качественно отличается от механистически агрегированного.

* * *

Сильная версия делиберативной демократии расстаётся «с недоверием к морали в либеральном понятии о предпочтениях»,²⁹ основывается на дискурсивной теории Хабермаса и является эксплицитно нормативной. Проблема формирования политических предпочтений тесно связана с вопросами легитимности и морали в политике. Вера в процедуральную справедливость не является достаточной степенью легитимности, т.к. не ведёт к принятию аутентичных действительным ожиданиям граждан коллективным решениям. Аутентичность последних маловероятна без возможности менять предпочтения в рамках политического процесса, корригируя и повышая собственную когнитивную полноценность. Делиберативной теории удалось совместить прагматическое и моральное посредством публичного характера формирования политических предпочтений. Именно публичный характер обоснования притязания на значимость заставляет искать согласия окружающих граждан ценой изменения собственных предпочтений.

Процесс формирования *правильных* предпочтений и соответственно *правильных* коллективных решений основывается не только на *правильной* процедуре, но, прежде всего, исходит из обстоятельства, что содержательная и нормативная *правильность* отдельно взятого решения, основывается на кон-

²⁸ Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // Bohman J., Rehg W. (Eds.): Deliberative democracy: essays on reason and politics - MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997. P. 78.

²⁹ Buchstein H. Die Zumutung der Demokratie. Von der normativen Theorie des Bürgers zur institutionell vermittelten Präferenzkompetenz // Beyme K., Offe C. Politische Theorie in der Ära der Transformation (= PVS Sonderheft 26/1995). - Westdeutscher Verlag: Opladen, 1996. S. 316.

кретных обстоятельствах его реализации и последствиях, которые согласованы с теми, кого они касаются. Открытость и всеобщность становятся, таким образом, решающими критериями делиберации, важными элементами процесса публичного обоснования – рационализирующего механизма делиберации. Когнитивное и морализирующее влияние на предпочтения не означает, однако, что акторы жертвуют своими собственными интересами во имя интересов общественности и скрывают собственные мотивы. Предпочтения лишь обогащаются в содержательном, временном и межсубъектном контексте в рамках проверки собственных аргументов аргументами других. Превращение предпочтений в общественные (консенсус) сохраняется при этом как цель. Консенсус здесь понимается не столько как результат отдельной взятой делиберации, сколько как регулятивная идея делиберации, которая остаётся открытой для новых аргументов. Это означает, что предпочтение как результат делиберации есть величина временная, которая в любой момент может быть вновь подвергнута сомнению и дискуссии.

Список литературы

1. *Нуреев П.М.* Теория общественного выбора. М., 2005.
2. *Ackerman B.* Warum Dialog // Bert van den Brink, Willem van Reijken (Hg.). Bürgergesellschaft, Recht und Demokratie. – Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1995.
3. *Benhabib S.* Deliberative Rationality and Models of Democratic Legitimacy // *Constellations*. 1994. № 1.
4. *Benhabib S.* Ein deliberatives Modell demokratischer Legitimität // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 1995. № 43 (1).
5. *Bohman J.* The Coming of Age of Deliberative Democracy // *Journal of Political Philosophy*. 1998. № 6.
6. *Buchstein H.* Die Zumutung der Demokratie. Von der normativen Theorie des Bürgers zur institutionell vermittelten Präferenzkompetenz // Beyme K., Offe C. Politische Theorie in der Ära der Transformation (= PVS Sonderheft 26/1995). – Westdeutscher Verlag: Opladen, 1996.
7. *Cohen J.* Deliberation and Democratic Legitimacy // Bohman J., Rehg W. (Eds.): *Deliberative democracy: essays on reason and politics* – MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997.
8. *Dahl R.* The Problem of Civic Competence // *Journal of Democracy*. 1992. № 3.
9. *Downs A.* *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper, 1957.
10. *Elster J.* The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // Bohman J., Rehg W. (eds.) *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. – MIT Press: Cambridge, Mass./London, 1997.
11. *Goodin R.* Democracy, Preferences and Paternalism // *Policy Sciences*. 1993. № 26.
12. *Goodin R.* Laundering preferences // Elster J., Hylland A. (eds.) *Foundations of Social Choice Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
13. *Habermas J.* Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie. Suhrkamp: Frankfurt/Main, 1996.
14. *Habermas J.* Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats, 4. erweiterte Auflage, Suhrkamp: Frankfurt/ Main, 1992.

15. *Manin B.* On Legitimacy and Political Deliberation // *Political Theory*. 1987. № 15.
16. *Rawls J.* *Politischer Liberalismus*. Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1998.
17. *Schumpeter J.* *Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie*. Tübingen/Basel, 1950.
18. *Simon H.* Bounded Rationality and Organizational Learning // *Organization Science*. 1991. № 2.
19. *Sunstein C.* Democracy and Shifting Preferences // Copp D., Hampton J., Roemer J. (eds.) *The idea of democracy*. – Cambridge University Press: Cambridge, 1993.
20. *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft*. Frankfurt am Main, 2008.